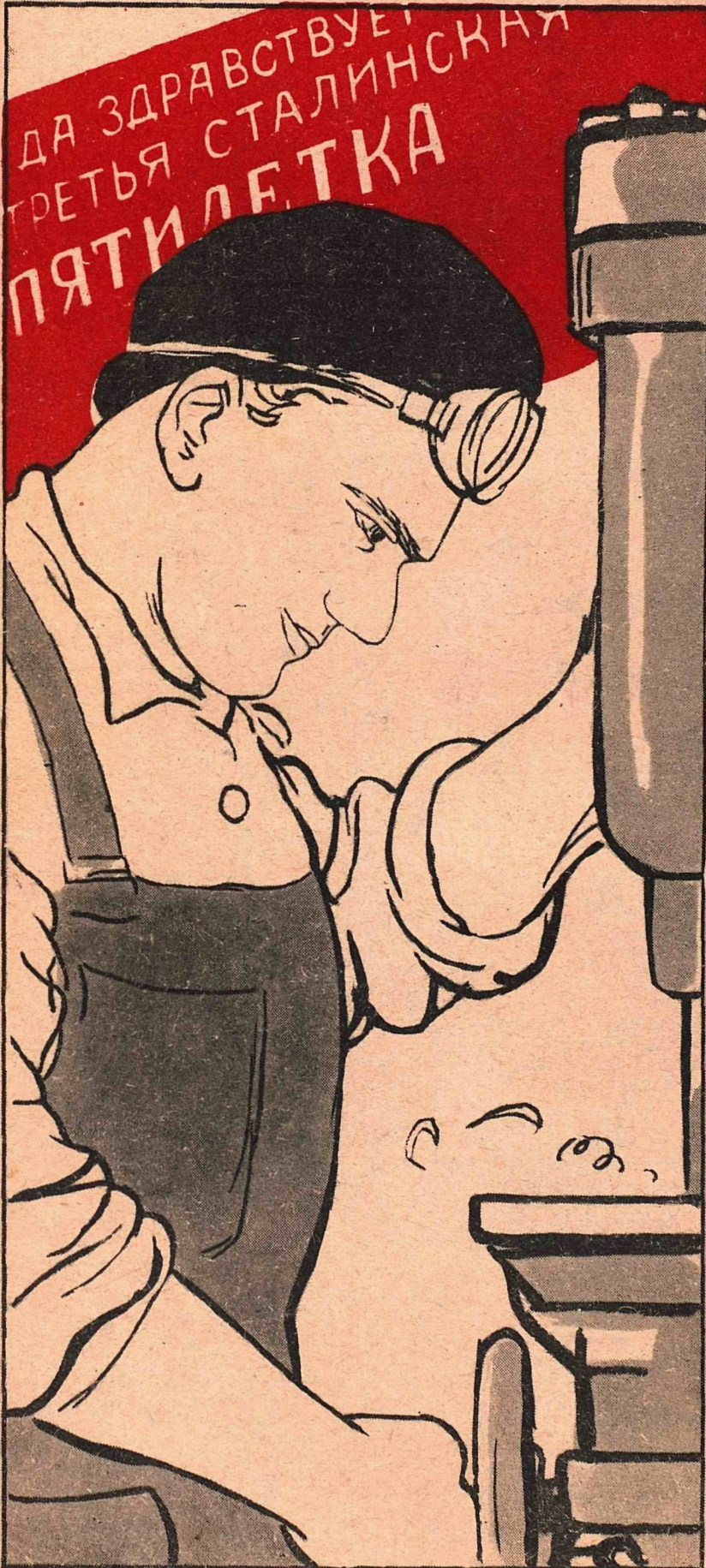

К Р О К О Д И Л

К 556 / 39г.

ПЛАН И ГАРАНТИЯ

Рис. Л. Генча

По-стахановски

По-хасановски

СССР

Рис. К. Рогова

Пограничные знаки

Москва

(Отрывок из поэмы «Котовский»)

Москва!
Она,
Насупив брови,
Зовет на подвиг,
на дела.
Москва!
Как много
в этом слове
Свободы,
Солнца
И тепла,
Когда в день Октября
иль Мая
Идут бойцы
за рядом ряд,
И Ворошилов
принимает
на Красной площади
парад;
Когда Москва
под красным стягом
Огнями
звезд своих
горит,
И молодых бойцов
присяга
О нашей мощи
говорит;

Когда проходят
батареи
и танки,
радуя наш глаз;
Когда с трибуны
мавзолея
Улыбкой озаряет нас
Товарищ Сталин...
Когда в день Октября
иль Мая
Я слышу
радости слова,—
Тогда
я грудь свою
вадымаю,
Тогда
я сердцем понимаю,
Что значит
Красная Москва,
Что значат
флагов наших
зори,
Что значит
песня на ходу!..
И вот сюда
прибыл Григорий
в том,

в восемнадцатом
году;
С казацкой саблей
и с винтовкой;
Картуз
на бритой голове;
Он шел
походкою неловкой
в бекеше,
в красных галифе;
автомобилей
сторонился,
не опуская
жадных глаз.
Он шел
И на Москву
дивился.
А был в Москве он
в первый раз.
Тогда Москва
была чуть уже,
была немного
не такой,
была чуть сгорблена
от стужи,
и посиневшая,
К тому же
была с ободранной

спиной;
везде обломки,
всюду лужи,
и дым войны
над головой...
Тогда не знали
слова «отдых».
Был труден
наш девятый вал.
На всех вокзалах
и заводах
С речами
Ленин
выступал.
Он гордо нес
Советов знамя.
И были речи те,
Как пламя,
Они вели солдат
на бой.
В сердцах растили
правды семя.
И потому
Москва была всегда
Победной,
гордою
Москвой.

В. ЖУРАВЛЕВ

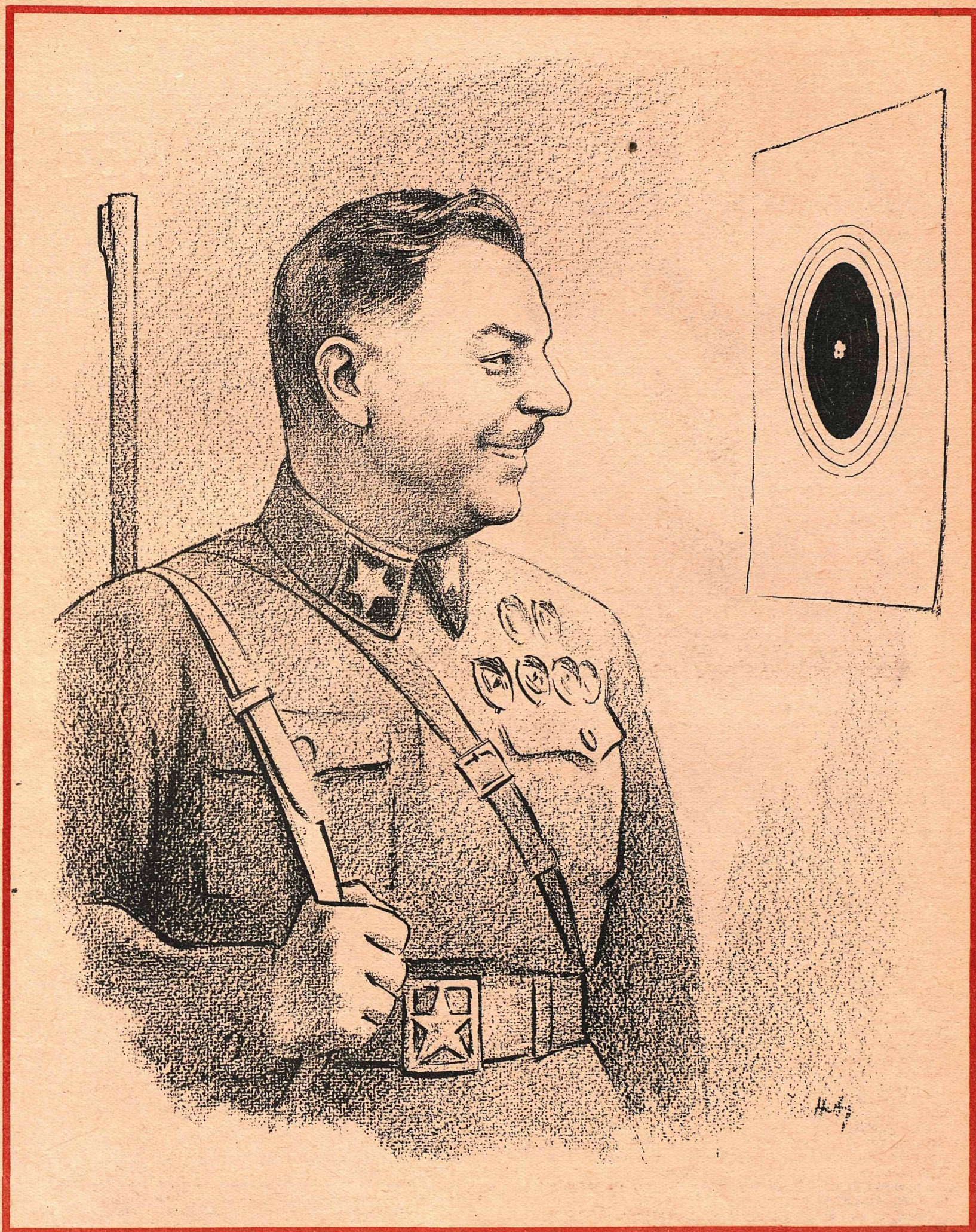
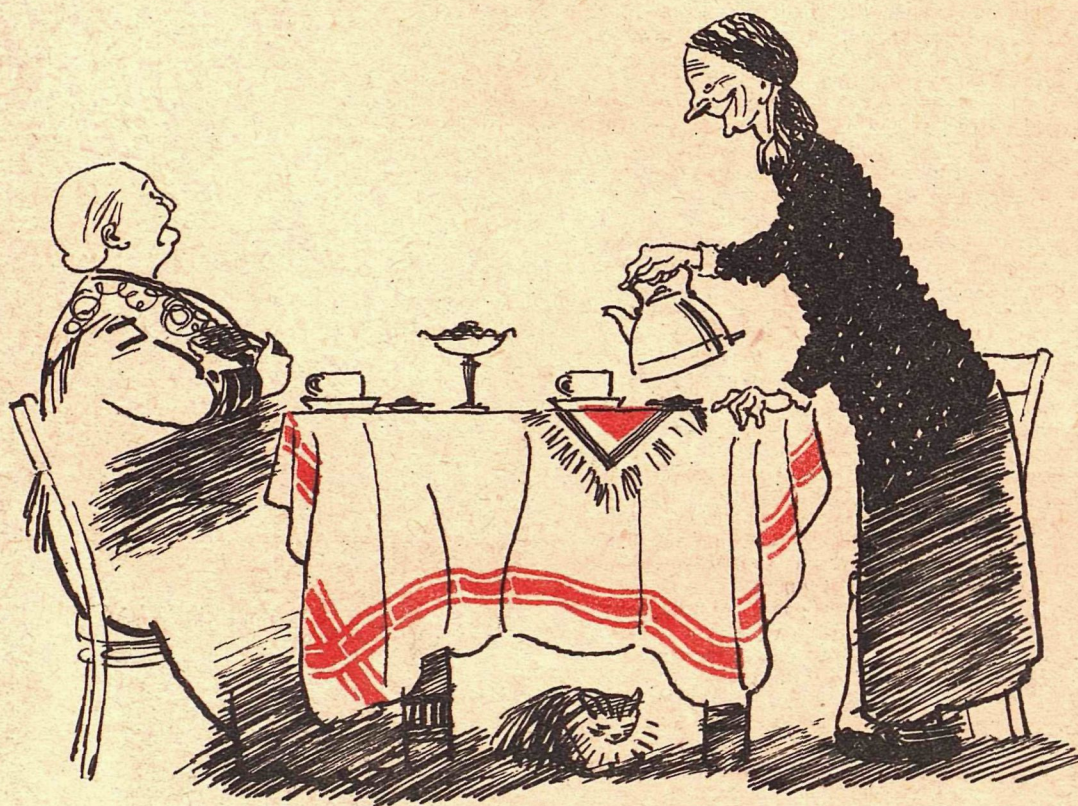

Рис. Н. Аввакумова

Лучший ворошиловский стрелок

К. Р. 39.

Рис. К. Рогова

- Мои дети — летчики, снайперы, военврачи...
- Это их портреты?
- Нет. Это портреты их мужей.

Дорожное

Когда садишься в дальний поезд
И едешь месяца на три,
То подтяни потуже пояс,
Вещей ненужных не бери.

Возьми рубашек на две смены,
Расческу, мыло, порошок,
И если чемодан неполон,
То это даже хорошо.

Чтоб он, набитый кладью вздорной,
Не отдувался, не гудел,

Чтоб он, как ты, дышал просторно
И с полки весело глядел.

И ограничишься чемоданом —
Ни тюфяка, ни узелка,
Чтоб всю дорогу оставалась
Свободной правая рука.

С домашними прощайся дома,
Чтоб сразу, выйдя на перрон,
Ты железнодорожным громом
Был окружен со всех сторон.

Нам всем, как хлеб, нужна привычка
Других без плача провожать,
И весело самим прощаться,
И с легким сердцем уезжать.

Но пусть с тобой зимой и летом,
С тех пор как стукнет двадцать лет,
В соседстве с проездным билетом
Военный странствует билет.

К. СИМОНОВ

Кавалерист

В КАБИНЕТЕ военкома Н-ского кавалерийского полка стоял красноармеец второго года службы Егор Скубенко.

— Товарищ Скубенко, — обратился к нему комиссар, — вы знаете, что ваш отец в городе? Он только что звонил, хочет приехать к нам в часть. Не возражаете?

— А чего ж? Пусть едет. Ведь он у меня казак — батька-то!

— Вот то-то и оно, что казак. Смотрите!

Через час приехал отец.

— Ну, принимай гостя, — сурово сказал он Егору и обнял его.

— Держи! — он передал ему кошелку. — Яблоки тут колхозные.

У входа в общежитие их встретил комиссар.

— Познакомимся, товарищ Скубенко, — сказал он, протягивая руку, — полковой комиссар Ромицын.

— Председатель колхоза «Сталинский путь» Скубенко, Григорий Прокофьевич.

— Ну, Егор, — сказал Григорий Прокофьевич, — показывай отцу хозяйство.

Егор вынул из пирамиды винтовку и клинок.

— Говори номера, — приказал отец, принимая оружие.

— Винтовка номер 114799. Клинок номер 3328.

— Так, — подтвердил отец.

В конюшне Григорий Прокофьевич по-хозяйски огляделся и начал инспекторский осмотр. Выложенный белым кирпичом проход был аккуратно прометен. Станки были аккуратно прибраны и усыпаны свежими опилками. Он заглядывал в каждый станок и удовлетворенно бурчал:

— Чисто держите.

— А это вот мой, — гордо сказал Егор, указывая на рослого темногнедого коня.

Григорий Прокофьевич осмотрел коня, провел рукой против шерсти, проверяя чистку, и сказал:

— Так. Для туалета коня все имеешь?

Егор показал отцу щетку, скребницу, суконку, копытный нож.

— Убери, вижу, — сказал Григорий Прокофьевич. — Проси разрешения, выводи коня на плац.

— Разрешите? — спросил Скубенко комиссара.

— Седлайте, — разрешил комиссар.

Егор снял с кронштейна седло и опустил его на спину коня.

— Как седло кладешь? — строго сказал Григорий Прокофьевич.

Егор смутился и стал затягивать подпругу. Через несколько минут подседланного коня вывели на плац. Тем временем там собрался весь эскадрон.

— Ну, садись! — строго сказал Григорий Прокофьевич сыну.

Егор огладил коня, влез в седло и пустил коня шагом.

— Рысь давай! — приказал отец. — Не облегчайся! — крикнул он, видя, что сын привстает в стременах. — Так. Никудышная посадка. Куда откидываешься?

Неуверенно держась в седле, Егор повернул коня на полуметровые клавиши. Конь легко взял препятствие, но всадник на прыжке едва не вылетел из седла. Григорий Прокофьевич крикнул и засопел. Комиссар отвернулся. Ему было, видимо, очень неловко.

— Так, — глухо сказал Григорий

Прокофьевич. — Так, так... А лозу вы как рубите? — он начал называть сына на «вы».

Это было дурной приметой, Егор это знал.

Повернув коня, он подехал к станкам, выдернул из ножен клинок, набрал повод и дал коню шпоры. Конь рванул галопом. Сидя в седле, Егор взметнул клинок, но, вероятно, он не учел широкого аллюра коня. Из шести лоз были срублены только две.

Григорий Прокофьевич схватился за ворот рубахи и расстегнул его. Ему не хватало воздуха. Он беспомощно разводил руками и наступал на сына.

— Слазь! — сказал он, наконец. — Слазь к чортовой матери!

Егор молча слез с коня. Не говоря ни слова, Григорий Прокофьевич скинул пиджак, подошел к коню, опустил на две дырочки стремя и легко вскочил в седло.

— Давай клинок! — крикнул он таким голосом, что конь, прядая ушами, затанцевал на месте.

Взяв у Егора клинок, Григорий Прокофьевич приказал:

— Ставьте, робята, лозу!

Пока красноармейцы ставили лозу, Григорий Прокофьевич, не сводя с Егора суровых глаз, проехал круг коротким маневрным галопом. Посадка его была безукоризненна. Легко одолев метровый шлагбаум, Григорий Прокофьевич выехал к станкам. Взяв повод с гривкой в левую руку, зажав в правой клинок, он выслал коня. По-казацки, стоя в стременах, Григорий Прокофьевич рубил. Сраженная острым клинком, лоза вертикально падала на землю. Все шесть лоз были срублены лихо, мастерски, наискосок.

Когда Григорий Прокофьевич слез с коня, зашумели аплодисменты. Егор аплодировал, весело глядя на комиссара.

— Во как надо! — сказал Григорий Прокофьевич, задыхаясь от возбуждения и ярости. — Ты чего хлопаешь? Брось! Уводи коня с глаз моих!..

Егор, понурив голову, взял коня и пошел к конюшне. Красноармейцы окружили старика.

— Здорово вы, папаша!

— Это что! — отмахнулся старик. — Я когда молодой был, мне ровни не было. Я с двух рук десять лоз рубил!..

— Как же это?

— А так, очень просто, — гордо ответил старик.

— Ну-ка, посмотрите, — сказал комиссар и взял его за плечо.

К станкам с лозой, стоя в стременах, на полном карьере летел Егор. В обеих руках у него были зажаты клинки. Оскалив зубы и подавшись вперед, Егор рубил налево и направо. Подкошенная звенящими ударами, лоза отлетала далеко в сторону. Прорубив лозу, не сбавляя аллюра, Егор развернул коня, прошел клавиши, два херделя и метровый шлагбаум.

Григорий Прокофьевич ахнул и побежал за сыном:

— Слазь, чорт курносый! — кричал он на бегу. — Слазь, дьявол! Ты над кем шутики шутишь?

Егор виновато усмехнулся и ответил:

— А меня, батя, весь эскадрон просил, чтоб я вас на коня посадил... А вы бы без того не сели.

БОРИС ЛАСКИН

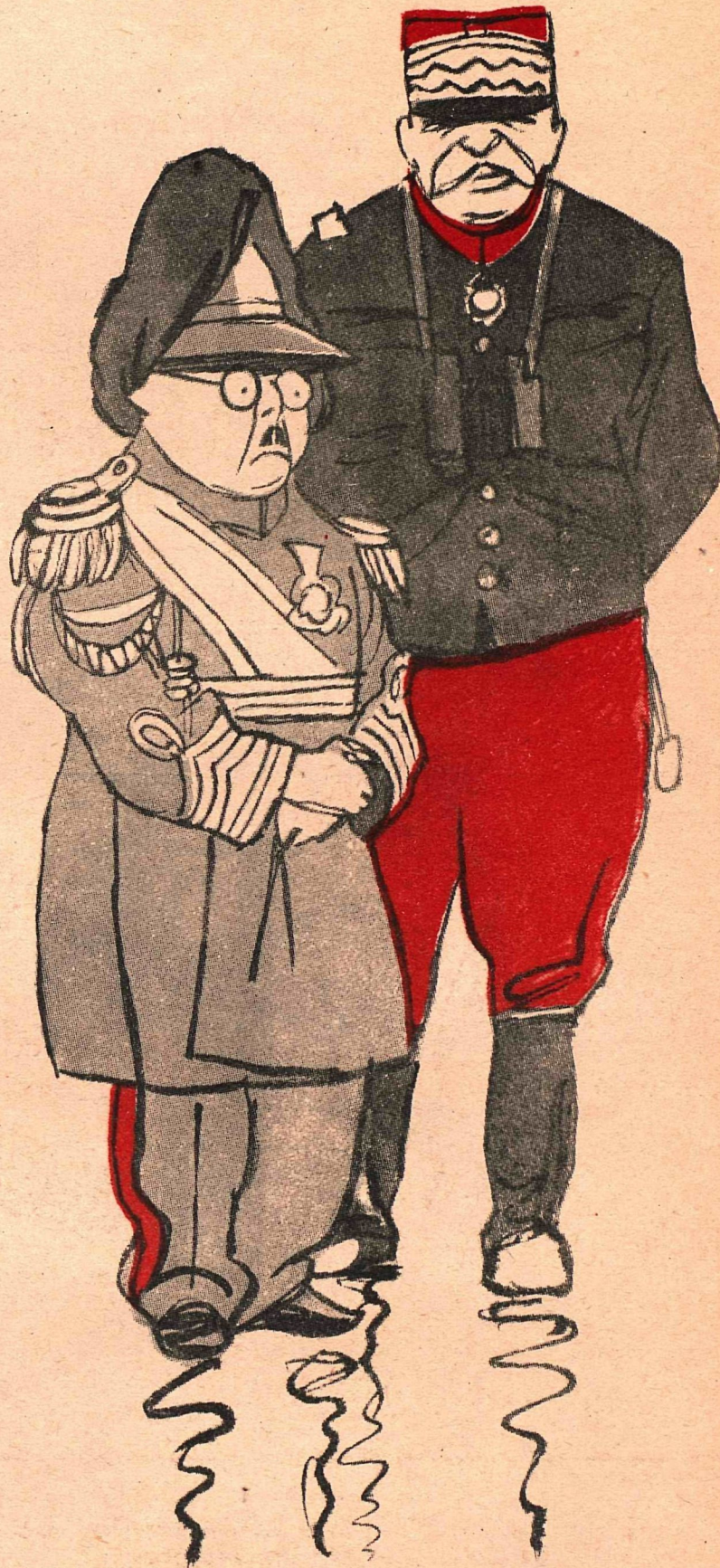

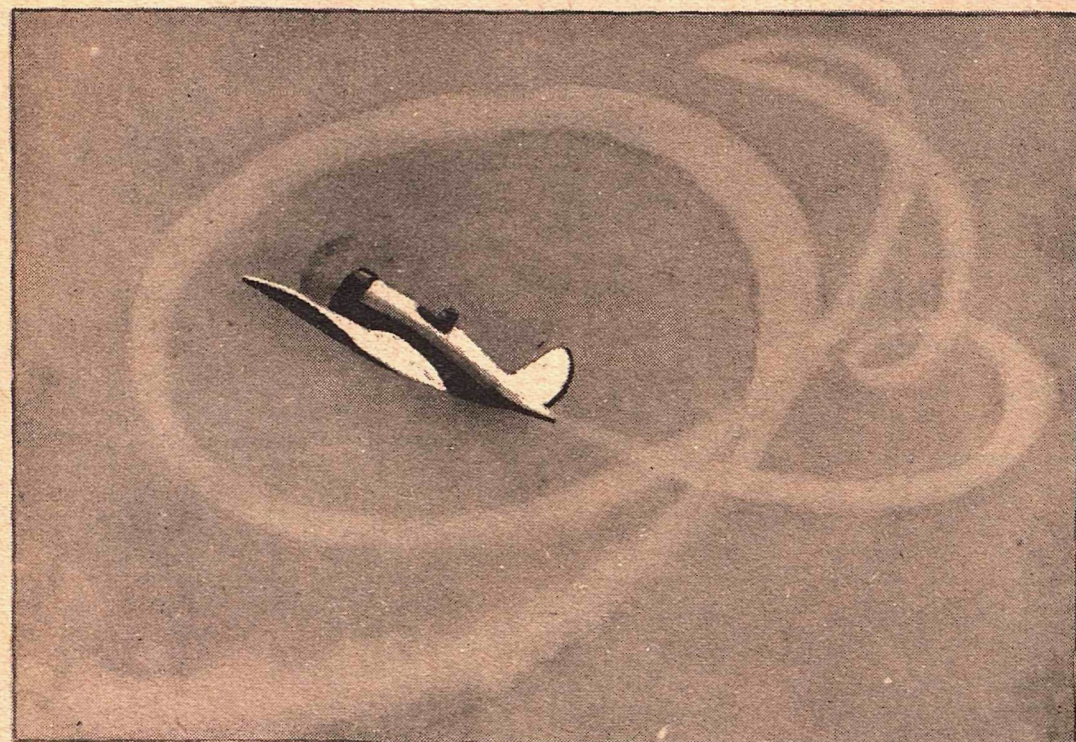
Рис. Л. Бродаты

ПО АССОЦИАЦИИ!

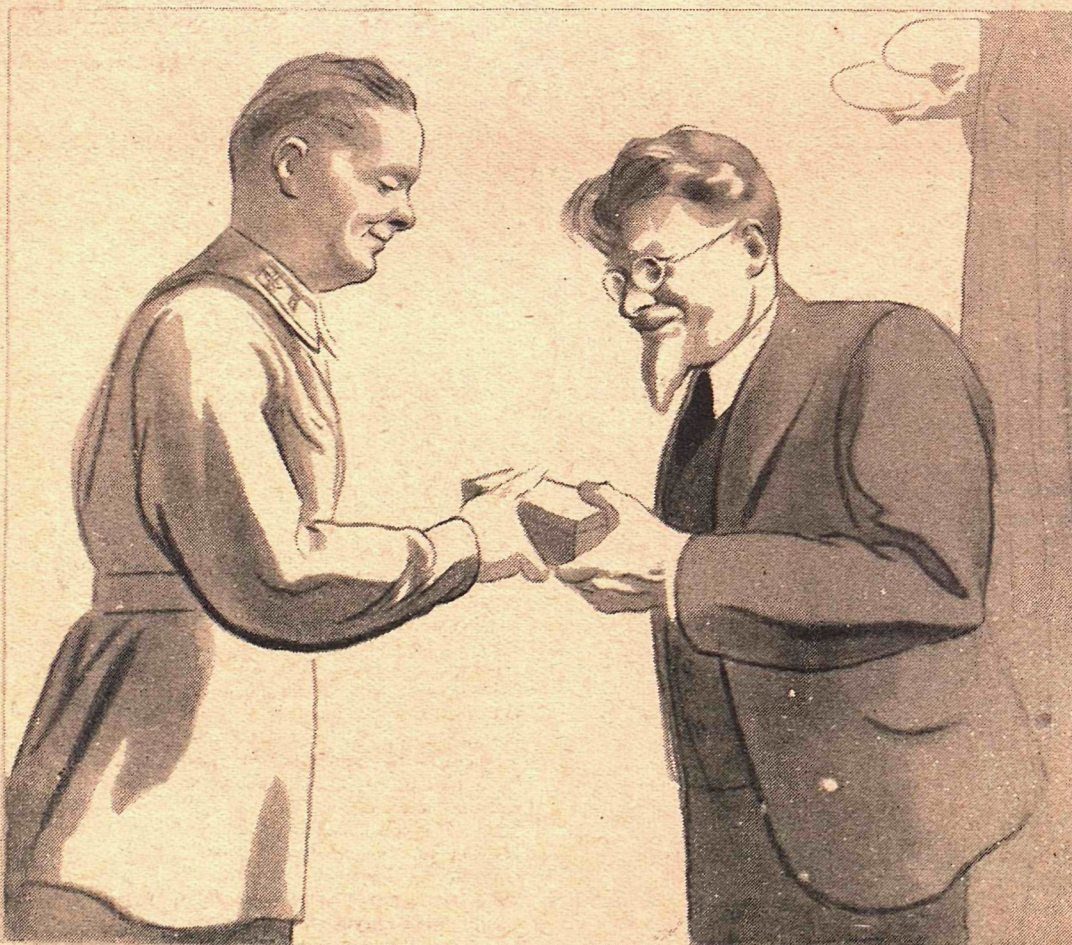
— У нас на Парижской выставке выступал красноармейский краснознаменный ансамбль.

— А на нас возле озера Хасан наступал красноармейский краснознаменный ансамбль.

Рис. Б. Пророкова

Когда летчик спокоен...

...И когда он волнуется.

Волнение

В ЖАРКУЮ рабочую пору председатель колхоза «Дружба» послал Трофима Мухина в районный город за шпагатом и шестеренками.

Трофим запряг кобылу и поехал. Это уже пожилой, лет сорока восьми колхозник. Он очень волосат, угрюм, даже мрачен, но ничего плохого сказать о нем было бы нельзя, если бы не одно его качество, причиняющее людям неудобства, а иногда и большие неприятности. Суть в том, что голова у этого человека так устроена, что он, видя или слышая что-нибудь, делает необходимые выводы — тогда, когда это нужно, а уже спустя много времени.

Например из колхозного сарая пропали девять лисьих шкур, приготовленных для сдачи «Союзпушнине». Ни кладовщик, ни завхоз не сомневались в том, что выкрал эти шкурки Семка Квасов, сектант, жулик, единственный в деревне человек, не пожелавший вступить в колхоз. Когда пропали лисьи шкуры, в деревне все разволновались: не дороги шкуры, а непереносно то, что завелся вор и никак нельзя его обличить.

Но тут услышали, что Трофим Мухин, возвращаясь ночью домой, повстречал на краю выгона человека с мешком. Увидев Трофима, человек бросился в подсолнухи.

Колхозники пошли к Трофиму, обступили его, спрашивали: «Семка? Ты опознал его?..» Трофим безмолвствовал. «Ты опознал Семку?» — допытывались колхозники. Трофим не твердо сказал: «Нет, это не Семка. Это скорей всего баба». Долго и натужно думал, потом добавил: «И шаг бабий, и все у нее бабье, и в подсолнухи она не передом полезла, а задом. Это не мужицкая привычка — лезть в подсолнухи или куда задом...»

Он всех сбил с толку.

Прошло два месяца. Из омшаника кто-то украл три пуда меду. Трофим вместе с другими колхозниками вез хлеб на элеватор. Колхозники шли за обозом и толковали.

Трофим вдруг ударил по сапогу кнутовищем, сказал изумленно: «А ведь с мешком-то тогда шел Семка Квасов. Потому что он идет, а позади евоный кривой кобель бежит».

Вот так устроена голова у Трофима Мухина. За это его и называют в деревне неудобным человеком.

Приехав в городок, Трофим провозился с шестеренками и шпагатом чуть не до сумерек. Затем пошел в столовую и заказал пару чая, пожарские котлеты.

За ближним столиком сидели какие-то городские люди, и один из них, бритоголовый, в очках, тонким голосом рассказывал, что наши так побили японцев, как, кажется, никто никого еще не бил. А другой человек, круглый, красивый, с галстуком, поправлял бритоголового: «Это, дескать, ты излагаешь не так, потому что в телеграмме про это сказано вот как...» И по его поправкам выходило, что наши побили японцев еще крепче.

Но у Трофима Мухина голова устроена так, что, прислушиваясь к разговору, он думал не о бое, а о том, доедет он к полночи до колхоза или не доедет.

А за столом уже говорили о товарище Литвинове, о каком-то после.

Уже стемнело, когда Трофим выехал в чистое поле. На спуске к реке Сестрице Трофим остановился, так как на самом мосту застряла грузовая машина и шофер поправлял что-то в моторе.

— Из города? — спросил шофер Трофима.

— Оттуда.

— Ну, как? Про Дальний Восток новые известия есть?

— А кто его знает, есть там чего или нет.

С грузовика послышался сердитый голос:

— Вот, действительно, Антон — холодные уши. Враги войной на нас прут, а он: «Кто его знает...»

Шофер наладил машину, уехал, и лишь тут Трофим ощутил обиду на пассажира, назвавшего его «Антоном — холодные уши».

Он ехал и, думая об обидчике, о словах его и о слышанном разговоре в столовой, медленно приходил в волнение: «А ведь и на самом

деле на войну похоже. Они, значит, поперли, а мы их шибанули».

— Ничего не слышали? — спросил он кладовщика Терентьева, еще ходившего по двору с фонарем.

— Ничего, — сказал Терентьев. — Только вот из Мокеевки верхоконный был, говорил, что завтра из района приедут докладчики — собрания на полях проводить. А по какому вопросу — не знает. А что?

— Войной попер! — глухо сказал Трофим.

— Кто?

— Японец.

— Это что? — ошеломленно проговорил кладовщик. — В газетах или специальное извещение?

— По всему городу разговор, — ответил Трофим. — Посол ихний бегом бегаёт. А Литвинов ему на-попа: либо так либо так, а крутить-вертеть — это довольно. И как шибанули их, они понимать перестали, где верх, где низ, где середка!

* * *

Была полночь, когда в избу Трофима стали сходитьсь взволнованные активисты. Трофим, уже заснувший было, сидел перед колхозниками лохматый, в одних портах.

— Рассказывай, — проговорил председатель и неодобрительно показал глазами на трофимовы порты: — Ты бы это... А то женщины тоже могут прийти.

Трофим, не касаясь портов, поспешно застегнул ворот рубахи и начал:

— Телеграмма такая: товарищ Литвинов поставил им вопрос на-попа: либо так...

Он рассказал все, что слышал и что додумал по дороге. Из табора подошли еще колхозники, колхозницы. Впервые за все эти годы Трофим был в центре напряженнейшего всеобщего внимания. Каждое слово его ценилось, как тонна доброго селекционного зерна. Трофим понимал ответственность своего положения. Он натужно думал и оттого непрестанно ерзал по скамье. А ерзать ему не следовало. Конюх Евтюхов подал ему свой дождевик и повелительно сказал: «Прикройся, а то все-таки...»

Трофим нарисовал величественную картину битв на Дальнем Востоке. Правда, в его рассказе была капитальная ошибка: выходило, что война уже началась.

Председатель допытывался у Трофима, не слышал ли тот что-нибудь о практических мероприятиях, которые немедля надо осуществить в колхозах.

Трофим натужно думал, на носу его показался бисерный пот.

— Активисты полушопотом, как бы боясь помешать Трофиму, говорили:

— Может быть, немедля подготовить подводы для мобилизованных? Покуда из района к нам скачут эти товарищи, покуда что, а у нас уже все будет в готовности.

— Может быть, создать комиссию колхозного содействия?

— Может быть, срочно выделить специальный продовольственный фонд для армии?

Кузнец Вавилов подошел к столу, проговорил строго и истово:

— Ну, други дорогие, бил Колчака, бил Дутова, бил поляков, — не могу я быть в настоящее время в пассивном положении и объявляюсь первым добровольцем нашего колхоза.

И только тут Трофим учуял всю грандиозность движения, которое вот-вот охватит село, избы, улицы, все полевые таборы.

— Я эту ответственность на себя не возьму! — хрипло произнес он.

— Какую ответственность?

— А, может, это и не война. Может, это какая заваруха. А вы уже в набат.

Все смотрели на него изумленно.

— Вот, — продолжал Трофим, — приедут потру из района люди, объяснят. А в добровольцы идти — хитрости нет. Я, может, первый пойду...

К избе неслась на сорока пяти конях третья бригада. Звеньевой Власов, боец гражданской войны, держал над головой бригадный флаг.

— Назад! — кричал с крыльца председатель. — Покуда еще ничего неизвестно!..

Сзади председателя стоял лохматый Трофим. Он тоже махал рукой и кричал хрипло:

— Назад! Войны еще нету. Нету еще войны!

А. КОЛОСОВ

Рис. Л. Соифертиса.

ТАКТИЧЕСКИЙ МАНЕВР

— Сколько раз я вас просила, дети, не играть в танковую атаку. Вообразите лучше, будто вы „в секрете“.

Любовь и тревога

В полувоенном френче с оторочкой, Он ей казался лучшим из людей. На самом деле он имел отсрочку И досмерти боялся лошадей. Он говорил небрежно о подиругах, О том, что шенкель гнется и блестят, Читал стихи о боевых подругах И обещал мулек преподнести. Однажды он спешил к любимой надом, Заранее решив (к чему скрывать!) Про пушки и бризантные снаряды Очередные пули отливать. В знакомый дом влетел он, словно ветер, В парадном двери настесь распахнув, Бумажных лент на стеклах не заметил, На голубой фонарик не взглянул, Не разглядел мерцающего света, Значения гудков не разобрал И угодил в объятия пикета, Который дом и граждан охранял. Он говорил, что это не резонно, Он возмущался, он протестовал, Но четверо людей в комбинезонах Его немедля отвели в подвал. «Гудки сирен, — пикетчики сказали, — Остались непонятными для вас. Вы почему-то мимо пробежали, Не пожелавши взять противогаз.

Раз вы забыли о самозащите И жизнь свою не можете беречь, Мы вам поможем. Только не вздыхайте. Придется подождать, на койку лечь: Мы вас обмоем.

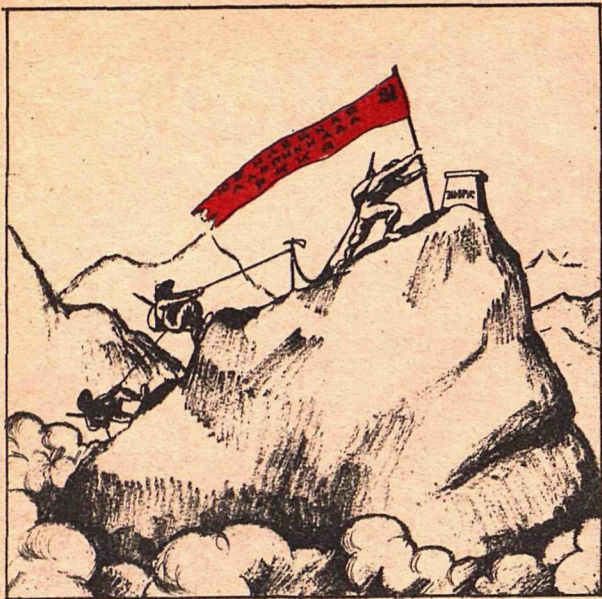
«А мое свиданье?

Ведь я невежлив буду, даже груб...»
«Она простит такое опозданье, Поскольку вы условный полутруп. У нас идет воздушная тревога, А вы бежали, правила поправ, Судите сами: кто теперь неправ?..»
«Он, только он! — раздалось вдруг с порога. — Пусть постыдится. Так ему и надо! Он может здесь хоть сутки провести, Он может даже вовсе не прийти, Пустой хвостун, — я буду очень рада. Я рада, что причину опозданья Сегодня мне увидеть довелось. Сам виноват...»

Подобие рыдания

Из-под противогаза донеслось. Она ушла. Ищи ее, лови! Он думает о том, что счастье проворонил, О противовоздушной обороне И о своей растоптанной любви.

ОЛИВЕР СВИСТ

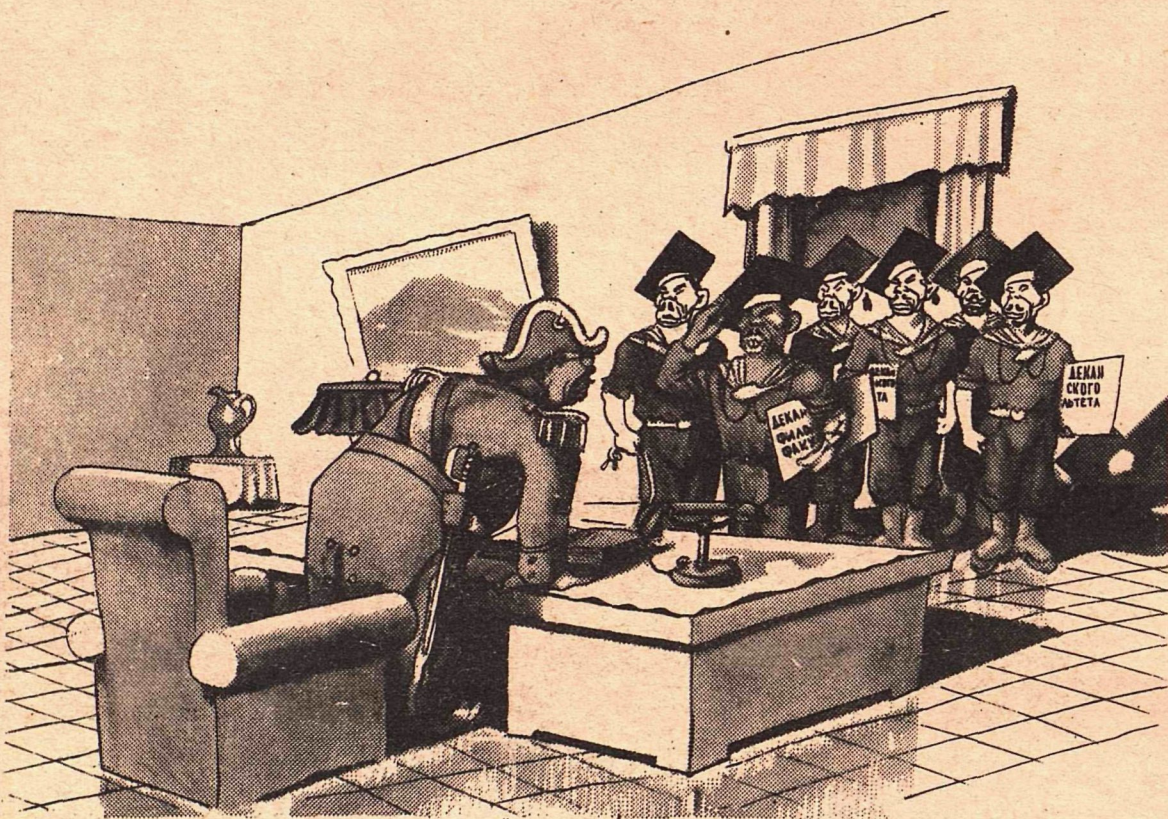
В 1938 году советские патриоты доказали, что они могут брать высоты не только такие, но...

...и такие.

Мертвая петля

Ректором токийского императорского университета назначен вицеадмирал Хирага.

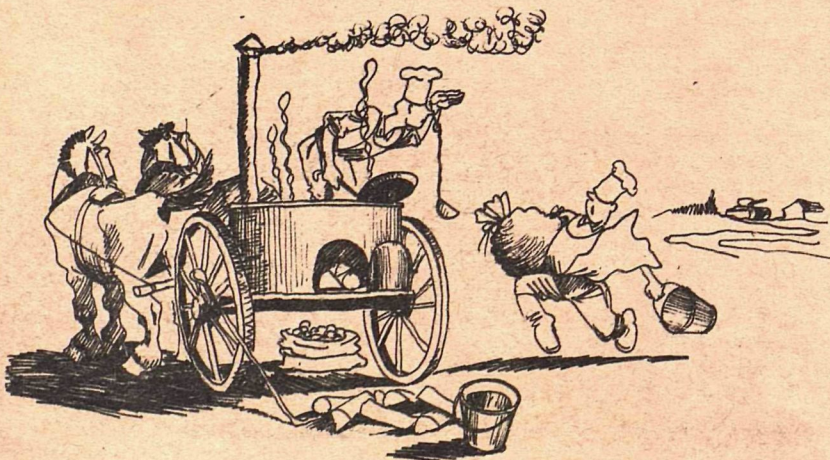
— Господин ректор, разрешите рапортовать: деканат в полном составе прибыл для инструкций.

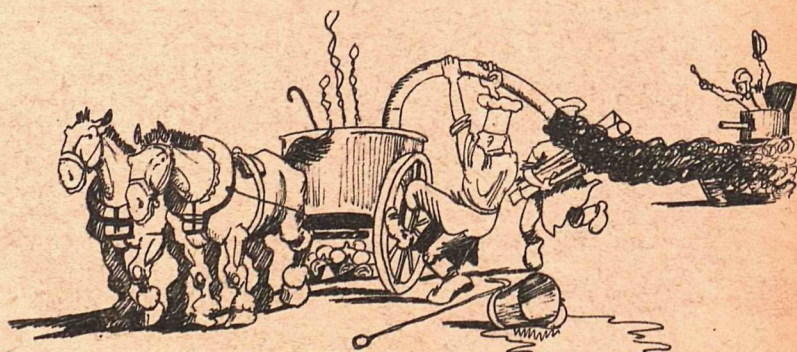
ЗАМАСКИРОВАННО

СНАЙПЕР: — «Противник» мне уже пробежало целое отделение.

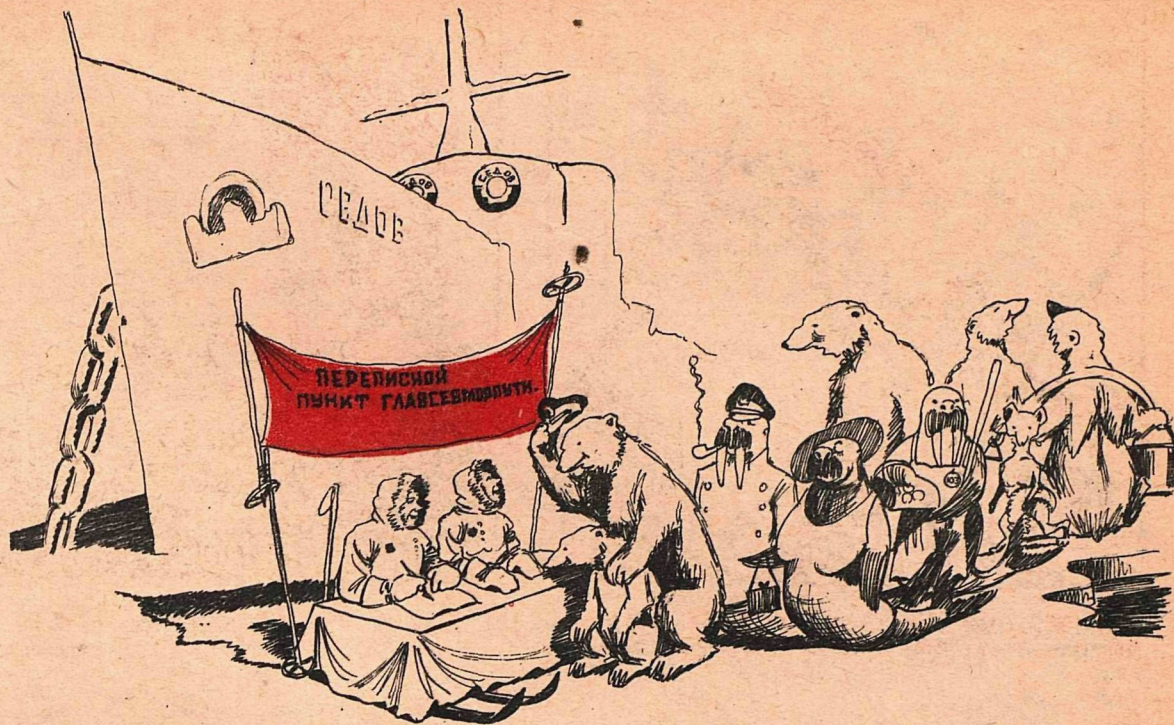
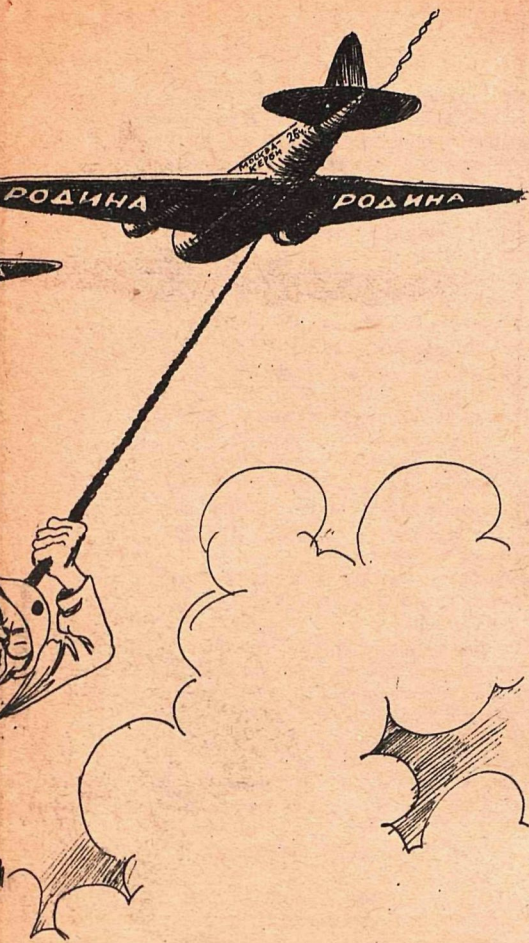
МЕЧТА

Н-ский повар Н-ской части на маневрах был внезапно застигнут танком «противника».

Находчивый повар стремительным движением согнул трубу...

На переписном дрейфующем пункте.

тля (для самураев).

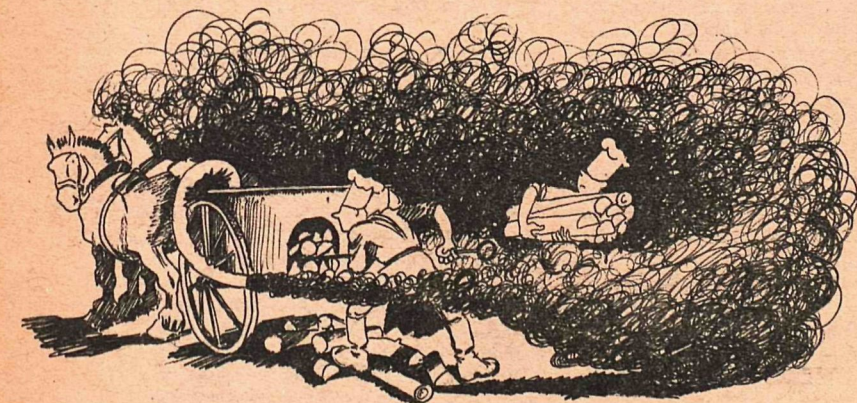

КИРОВАЛСЯ
ведет себя явно неделикатно: по
деление.

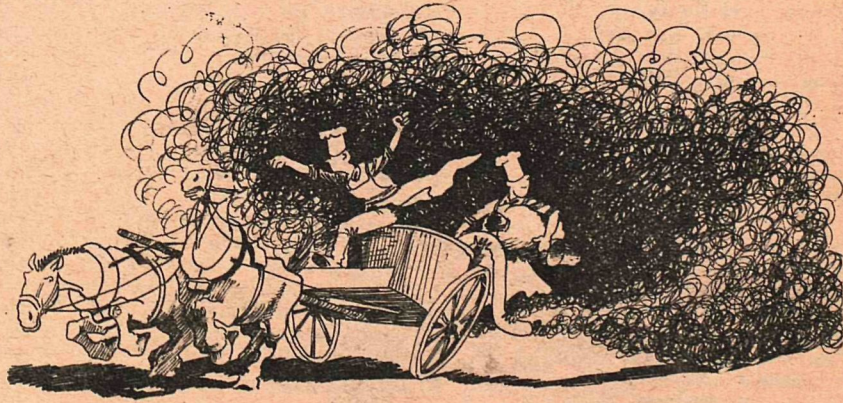

Швейк отправляется на призывной пункт
(иллюстрация к книге Я. Гашека „Бравый солдат Швейк“)

ы ПОВАРА

...И, бешено шуруя, создал дымовую завесу...

...под прикрытием которой благополучно скрылся.

ДРАМАТИЧЕСКОЕ СОПРАНО

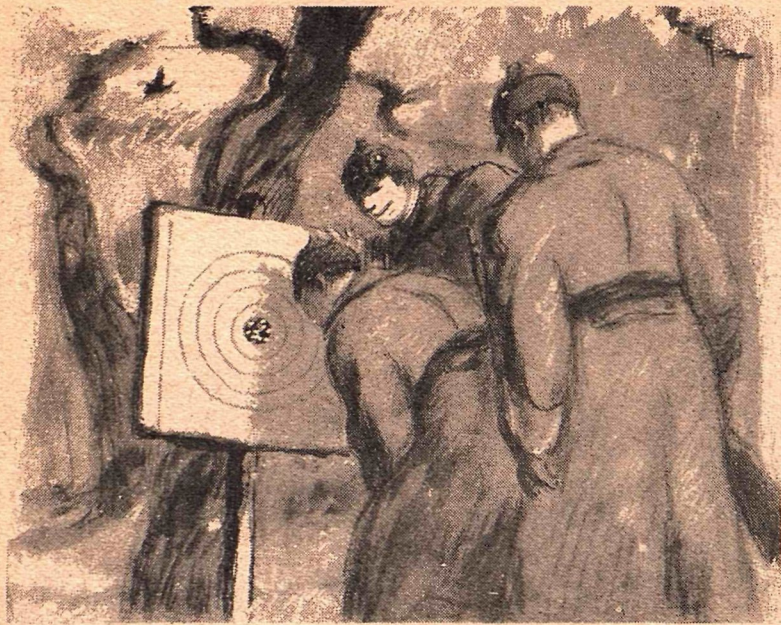

Рис. В. Горяева

— Эх, яблочко!..

Фазан

Где, когда, — не скажем точно,
Но в одной из дальних стран,
Называемой восточной,
Жил да был себе фазан.
Край давал достаток верный —
Был фазан упитан, сыт,
Но имел характер скверный
И огромный аппетит.
Был он полон злобным ядом:
Вот уж двадцать первый год
Расцветал с фазаном рядом
Вольных соколов народ.
«Эх (мечтал фазан задорный),
Там богатствам нет числа,
Там вольготно, там просторно,
То-то б жизнь мне там была!
Хорошо бы мне забраться
В соколиную страну!
Слышь, они не любят драться...
Дай-ка я их припугну!»
И по тихой, тайной тропке
Пробирается фазан
Ночью к соколиной сопке
Подле озера Хасан.
И, издавши крик фазаний,
Он нахально и хитро
Пишет соколу посланье,
Выдрав из хвоста перо:
«Объявляю вам, что... скобка...
(Знать вам это надлежит!)
... Закрываю скобку... сопка
Мне уже принадлежит.
Я владею возвышеньем
Подле озера Хасан.
С совершеннейшим почтеньем
Мирный ваш сосед
Фазан».
Сочинив сию бумажку,
Он, себе же на беду,
Шлет с ней Пи-Го-Ли-цу-пташку
К соколиному гнезду.
Полетела Пи-Го-Ли-цу
И на утречко, чуть свет,
Поспешила воротиться,
Привнеся такой ответ:
«С а ш е й сопки — веришь
слову? —
В пыль, фазан, тебя сотру!
Убирайся по здоровью,
Уходи-ка по добру.
Видно, ты зарвался сдуру.
Лучше, если поспешишь.
Мы не галки и не куры.
Понимай, к о м у грозишь!»
Но захватчика несколько
Не смуглил прямой ответ.
«Это так, страшат только!
Раздавайся гром побед!»
Он на сопку взгромоздился,
Пышно перьями тряхнув,

Окопался, в землю врылся,
Стал точить свой жадный клюв.
И кричит в лихом зазнайстве:
«Сокол! Прочь! Сожрем живьем!
Жизнью здесь мы сами райской,
Саму-райской заживем!»
Но не спит народ соколий:
Он давно учен в бою,
В этой верной, грозной школе
Защищать страну свою.
Только начал нападение
Предприимчивый фазан, —
Слышит мощное гуденье
По-над озером Хасан.
Позакрылось небо тучей,
Помертвел фазаний взгляд,
Налетел грозной летучей
Гордых соколов отряд,
На фазана, точно лава,
Боевой идет поток
Сверху!
Снизу!
Слева!
Справа!
Знай, захватчик, свой шесток!
Где ж его высокомерье?
Где же гром его побед?
Пух и перья!
Пух и перья
Устилают густо след!
Наш рассказ — не неблизцы.
Знаем, смысл его смекнув:
Есть еще такие птицы,
Что на нас свой точат клюв.
Прилагают все усилья,
Чтобы мир втянуть в войну,
И хотят направить крылья
В соколиную страну.
Хоть война не в нашем вкусе,
Мы серьезно говорим:
Не спасут таких ни гуси,
Что спасли когда-то Рим,
Ни вороньи батальоны,
Ни наймиты-сарычи,
Ни стервятники-шпионы,
Ни вредители-сычи!
Пусть запомнят эти птички,
Коль добра себе хотят,
Что от них при первой стычке
Пух и перья полетят,
Что спокойны мы не даром,
Что ответим у границ
Смертоноснейшим ударом
Мы на ярость хищных птиц,
Что высоко мы летаем
И, нагнав как бурян,
Уничтожим вражьих стаи
В самом сердце их же стран!

Н. АДУЕВ

НА ДВОРЕ старательно гудела метель. Прodelьвала она это в абсолютной темноте. Я раза два подходил к окну — ничего не видно. Это обстоятельство избавляет меня от обязанности начать рассказ с описания природы.

Мы сидели на заставе № 4, баловались крепким горячим чаем и составляли программу концерта.

— А теперь запишем Лидию Андреевну, — сказал старшина. — Этим и закончим.

Я знал, о ком речь идет: Лидия Андреевна — лучшее драматическое сопрано в республике. Народная артистка Лидия Андреевна Андреевская — замечательная певица.

— А, может, она и не придет? — усомнился я.

На меня посмотрели с удивлением, как на человека, не знающего, что дважды два — четыре.

Боец Галаган сказал мне: — К сожалению, товарищ, вы как приезжий и потому, извините, не знаете пограничной жизни. Насчет Лидии Андреевны нам сомневаться не приходится.

Теперь наступила моя очередь удивляться.

— Почему? — спросил я.
— Слово такое знаем, — ответил улыбаясь боец Красовский.

— Которое кусается, — разъяснил боец Карпов.

— Если это не военная тайна, скажите, пожалуйста, что за слово.

— Ральф! — ответил боец Кондратенко.

Ответ показался мне вполне убедительным, хотя я кое-чего не понял.

Я не понял, во-первых, какое отношение имеет Ральф к драматическому сопрано, во-вторых, какая связь между Ральфом и пограничной заставой, в-третьих, что такое Ральф.

Я поблагодарил моих собеседников за то доверие, которое они мне оказали, сообщив это таинственное слово, но просил их войти в положение закоренелого штатского и, если можно, разъяснить, как выглядит Ральф.

Бойцы — это точно помню — переглянулись между собой. И, если память мне не изменяет, два-три человека даже улыбнулись. А суровый Савчук сказал:

— Ложитесь, товарищ, спать. А завтра придет к нам Лидия Андреевна, она вам, и скажет.

Так как других предложений не поступило, то я принял совет Савчука и лег спать.

То, как я спал, как на другой день провел утро, придется за недостатком места обойти молчанием, хотя все это и представляет интерес.

Перейду прямо к событию, которое имело место после обеда и в котором автор этих строк играл не последнюю роль.

Сидя на заставе, я услышал шум под'езжающей автомашины, вышел на крыльцо и осторожно взглянул во двор. Моя осторожность будет вам понятна, если я упомяну о том, что в это время по двору степенно расхаживала огромная овчарка.

Смотрю и вижу: из машины выходит высокая элегантная женщина. Часовой у ворот ей приветливо улыбается.

«Она! — догадался я. — Лидия Андреева...»

Но мне не удалось закруглить

свою мысль: я с ужасом увидел, как хищная овчарка рванулась, оскалила страшные зубы и со всех сил ринулась вперед. Мгновенье ока — и зверь держал в своих лапах беззащитную женщину.

На меня вдруг нахлынуло такое бесстрашие, что в прозе описать невозможно. Я стремглаз кинулся на помощь. Один! Во дворе больше никого не было. Часовой, ничего не подозревая, спокойно расхаживал по улице, за воротами.

Не успел я добежать до места происшествия, как увидел душу леденящую картину: собака оторвалась от своей жертвы и скачет прямо на меня. Короче говоря: пес опрокинул меня на землю. Мне это не понравилось, но я не потерял духа и закричал.

Лежу и слышу, как драматическое сопрано произносит слово:

— Ральф!

Зверь оставил меня в покое. «Вот кто такой Ральф!» Подымаюсь, а Ральф опять возле женщины. Та грозит ему перчаткой, а он виновато смотрит на нее и ласкается.

Вечером, перед концертом, я разговорился с Лидией Андреевной.

И тут я узнал любопытную историю.

Лучшее драматическое сопрано в республике значительную часть своего свободного времени уделяет собакам. Точнее, маленьким щенкам.

Лидия Андреевна с увлечением растит и воспитывает овчарок. Когда щенок подрастает и начинает более или менее разбираться в сложной грамоте, которую надлежит знать всякой уважающей себя собаке-ищейке, Лидия Андреевна отдает собаку пограничной охране.

В прошлом году на заставу № 4 поступил самый любимый из ее воспитанников — Ральф.

Ральф несмотря на свои четыре ноги — большая умница. Так меня уверяла Лидия Андреевна. Я не противоречил.

— Когда, бывало, дома репетирую, — рассказывает Лидия Андреевна, — Ральф ложился у рояля и внимательно слушал, подчеркивая вилянием хвоста наиболее понравившееся ему место в романсе... У него изумительное чутье! Он всегда нервно ждал и ворчал, когда в дом заходил известный ему словоохотливый администратор из концертного бюро.

И вот Ральф на границе, в сотне километров от своей хозяйки. Сначала он скукал — так полагаются. Но вскоре быстро освоился с новой обстановкой.

Народная артистка ревниво следит за успехами своего питомца. И теперь она с гордостью рассказывает:

— Знаете? Пограничник Спасюк уже задержал шесть нарушителей границы при непосредственной помощи цепких лап и острых клыков Ральфа. Что вы скажете? Замечательная собака!

Мне Ральф начал нравиться. Я сидел и думал:

«Догадываются ли те шесть нарушителей, какую роль сыграло в их роковой судьбе одно замечательное драматическое сопрано?»

Рад сообщить, что в этом рассказе нет вымысла. Изменены лишь имена действующих лиц, а все остальное — сушая правда.

Г. РЫКЛИН.

Рис. Ю. Ганфа

На дне Средиземного моря.

Новички

1

На фоне алых шелковых полотен
Стоит, как статуя; сажень в плечах,
— Во флот хотите вы?
— Куда пошлете!
Большая честь — служить
В любых частях!
В комиссии тогда возникли споры,
И председатель сам решить не мог:
— Куда послать его?
— Он был шофером —
Вполне для танка годен паренек.

— Забыли вы, что он к тому же летчик,
Фабричной летной школы выпускник!
— Позвольте! Он прямой наводчик!
Подмышкой пушку унесет. Он гиревик!
— Нет, нет! Взгляните. Удостоверенье:
Кавалерист он школы «Спартака».
— Он ворошиловский стрелок второй ступени! —
Нужна нам снайперов железная рука.
— Куда ж послать?
— В любой род войск годится!
— Немало таких среди призывников!

2

Послали парня-комсомольца
На границу,
В один из славою овеянных полков.
«Фашист» расстрелян. Пуля в пулю!
В иглу «фашистского» зрачка.
И загудел весь взвод, как улей:
— Ну, и глазок у новичка!
Он от похвал слегка растерян,
Сказал: «В тайге учили нас:
Что если, мол, увидишь зверя,
Так бей не иначе, как в глаз!»

Р. РОМАН

Рис. Б. Пророкова

СОВПАДЕНИЕ

ОНА: — Когда вы брали барьер на своем „Вихре“, — у меня мурашки бегали по спине.

ОН: — И мне было не по себе, когда вы делали мертвые петли на своем самолете.

Обыкновенная гимнастерка

ЕГОР был влюблен, и влюблен безнадежно. В этом не было ни малейшего сомнения.

— Слушай, Ромео, — пригрозил я ему однажды, — если ты не перестанешь ворочаться и вздыхать по ночам, я выкину тебя в коридор! Помяни мое слово.

Честно говоря, положение у Егора было, действительно, трудное. Джульетта, с которой он еще не сказал и двух слов, обладала нареченностью строптивым характером. Эта девица втемяшила себе в голову, что только парень, побывавший в Красной Армии, чего-нибудь да стоит. Остальные были для нее желторотыми юнцами, которых просто не стоило принимать всерьез.

Джульетта занимала какой-то высокий пост в Осоавиахиме своего домоуправления и была преисполнена дьявольской гордыни.

А Егор худел и таял на глазах. Таял, как пломбир, выставленный на солнце в витрине молочного магазина.

У него не было никаких шансов на успех, поскольку красноармейская шинель никогда еще не облекала его глубоко штатское тело.

В прошлом году Егор ходил в призывную комиссию, но вышло так, что он напрасно раздевался.

— Понимаете, — с горечью рассказывал он, —

врачи говорят, будто у меня что-то свистит в легком, или в печенке, или в почках...

Так или иначе положение было катастрофическим. Однажды вечером Егор вернулся домой в сильно возбужденном состоянии. Разительные перемены в его костюме заставили меня насторожиться.

На нем была защитная гимнастерка, хранившая следы недавно споротых петлиц, темносиние галифе с кантом и высокие порыжевшие сапоги.

— Собираетесь на бал-маскарад, прелестная маска? — простодушно спросил я. — Будете изображать героя гражданской войны?

Путаясь и сбиваясь, Егор начал излагать обстоятельность дела.

— Ладно, — сказал я. — Только не вздумай чересчур зарываться. Если я услышу, что ты штурмовал Перекоп или что-нибудь в этом роде, берегись!

В эту ночь Егор спал тихо и спокойно, как сытая мышь. Я же, наоборот, метался в жестокой бессоннице. Я презирал всех влюбленных. Егора я прозвал гусаром.

Сначала все пошло как по маслу. Ухаживания моего гусара были приняты весьма благосклонно. Ему, наверное, уже чудилось, что стоит только крутить воображаемые усы и немного врать о прелестях походной жизни,

как все будет в порядке. Но судьба судила иначе.

Первый удар по радужным планам Егора нанес Джульеттин папаша. Этот персональный пенсионер оказался большим докой по военной части.

— Молодой человек, — сказал он однажды Егору. — Я понимаю, что вы не на действительной, но ваши нечищенные сапоги просто позорят мою армию. И потом, почему вы бросили пришивать белые воротнички к гимнастерке?

Егор смутился, но с этого дня ему пришлось вставать на двадцать минут раньше обычного, чтобы успеть начистить сапоги и совершить манипуляцию с воротничком.

Однако старик не унимался.

— У вас испортилась выправка, — заметил он сокрушенно. — Небось, в части вы бы так не держались. Вы ведь знаете, что такое дружинная походка?

На другой день, в половине шестого утра, я был свидетелем новой блистательной победы радиогимнастики. Под бодрые выкрики диктора, кричавшего и стона, Егор совершил первые двенадцать упражнений по системе Набокова. Потом каждое утро я мог слышать, как он, лягая зубами, обтирается холодной водой.

Теперь в атаку на Егора ринулся младший отпрыск Джульеттиной семьи — пионер Гога. Мальчишка раздобыл где-то тщедушного шенка-пинчера и настойчиво потребовал у Егора консультации по вопросам собачьего воспитания.

Вздыхая, Егор принялся изучать руководство по служебному собаководству.

Словом, выцветшая красноармейская гимнастерка наделала Егору немало хлопот.

Пронюхав о существовании Егора, домохозяйки потребовали, чтобы он взял на себя руководство кавалерийским кружком. Пришлось срочно отправиться на манеж и на собственной спине постигнуть искусство верховой езды.

Не отставала и сама Джульетта.

Как-то ее острые и взыскательные глаза отыскали на гимнастерке Егора две маленькие дырочки над левым карманом. Наверное, прежний владелец гимнастерки был значкистом: отличным стрелком и спортсменом.

— Какой вы скромный, — вкрадчиво сказала Джульетта. — Почему вы никогда не носите ваших значков? Кстати, мы должны пойти в тир. Вы научите меня стрелять.

Он вернулся домой в полном замешательстве. Нож и вилка были до сих пор единственным оружием, которым он владел в совершенстве. Но уже следующая декада была заполнена кипучей деятельностью. Каждый свободный час Егор проводил в районном тире. На него было жалко смотреть. Кажется, он выстрелял всю полочку из малокалиберной винтовки. Но он-таки добился своего: значок ворошиловского стрелка закрыл все дырочки на его груди.

Тем не менее развязка приближалась.

Как-то вечером почтальон принес Егору большой пакет. По тому, как Егор покраснел, я понял, что это было письмо от нее. Утром он побрился, почистился и куда-то ушел.

«Пора прекратить маскарад, — решил я. — Надо сорвать все маски!»

Пылая благородным гневом, я ждал Егора. Вечером он вернулся.

Его глаза блуждали, а губы сами собой растягивались в идиотски-счастливую улыбку. Он одержал решительную победу, это было ясно.

— Ну-с, голубчик! — угрожающе протянул я. — Что сказала она?

Егору с трудом удалось вернуть губы в исходное положение.

— Она сказала, — начал он ликуя, — она сказала, что больше не нужно никаких отсрочек! В общем она признала меня совершенно годным.

— Кто?

— Комиссия в райвоенкомате...

Через час мы сидели за столом и пили чай.

— Понимаешь, я и сам не мог долго выдержать этот маскарад, — говорил Егор. — Это было нечестно и, сказать правду, очень утомительно. В общем я ей признался, и она все простила. А сегодня она сказала, что очень довольна и в крайнем случае может подождать два года.

ЛЕВ МАКСИМОВ

Рис. Н. Радлова

УГОДИЛ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СЕЛЬСОВЕТА: — Так командир части мне и сказал: для заданий на трудность и на непроходимость лучше вашей дороги во всем районе не найти.

Березайка

СТАНЦИЯ Березайка, кому надо, — вылезайка! — сказал веселый паренек в рубашке апаш, схватил жестяной чайник и, шлепая калошами, побежал к выходу.

Красноармеец Василий Беркут посмотрел в окошко вагона и увидел свою «березайку» — маленькую станцию Серебрянск: от Москвы 943 километра, 220 метров над уровнем морей и океанов... Вот у дверей багажной кассы стоит дежурный по станции — девушка в фуражке с красным верхом. Э, да это же Мухина!.. Вот прохаживается, промывая своей знаменитой палочкой, учитель серебрянской десятилетки Григорий Григорьевич Спасенюк. А кого это встречает старуха Чижевская? Слезай, приехали, товарищ Беркут! На двенадцатые сутки в тринадцать часов ноль-ноль минут по московскому времени окончилось твое дальнейшее плавание!..

— Привет дальневосточнику! — густым басом возгласил учитель и лихо, по-военному вскинул три пальца к краю широкополой шляпы. — Кое-что уже читали о вас, товарищ Беркут, в газетах. Надолго к нам?

— Товарищу Беркуту, военному человеку! — протянул смазчик Завертайло свою черную, как у негра, руку. — Разрешите я ваши вещички до автобуса подтащу.

От станции маленький зеленый автобус помычался по шоссе к городу, он уже ехал по просторным малолюдным улицам.

— Угол Советской и Жан Поль Марата, остановка у почты! — объявил кондуктор.

И тут уж дальнейшее плавание красноармейца Василия Беркута окончательно завершилось. Пять домов, два забора, переулочек за углом — и он поднялся на крыльцо, постучал в дверь. Дверь раскрылась, всплеснули руки...

...Вечером после шквала объятий, радостных слез и расспросов мать сказала:

— Ты у меня, Васенька, в девять часов вечера спать будешь ложиться. Отпуск у тебя

небольшой. Развлечений особых у нас тут нет. Живем мы тихо...

Она не договорила: с шумом распахнулась входная дверь, в передней затопали десятки ног, и в комнату ворвалась гурьба ребят в красных галстуках. Командовал нашествием младший брат Беркута — пионер Борька. По его знаку, трубач поднес к губам серебряный горн — и комната наполнилась пронзительными звуками пионерского сбора. Потом ребята встали в ряд и прокричали хором:

— При-вет ге-ро-ю Ха-са-на!

Потом они облепили красноармейца и... беседа затянулась далеко за полночь.

Утром мать сокрушенно качала головой:

— Утомили они тебя, Васенька! Ну, ничего, город у нас маленький. Развлече...

С крыльца постучали. Вошедший снял калоши, извлек из кармана пальто три блокнота, кепку и положил в карман и представился:

— Жаворонков. Сотрудник местной газеты. Редакция мне поручила...

После обеда к Василию Беркуту пришла старуха Чижевская:

— К тебе, сынок, к тебе, красноармеец. Бабки наши с тобой поговорить желают.

— Да, — сказал отец, — чтоб не забыть. Завтра в четыре, после смены, комсомольское собрание. С меня взяли честное пионерское, что ты, Вася, обязательно будешь у них. Уже и в повестку вписали «Встреча с участником» и так далее и так далее.

— А в выходной он у нас в отряде выступает, — добавил Борька.

— Это мы еще посмотрим, — строго возразил отец. — Тут заявки у меня уже есть от старых партизан, от нашей заводской интеллигенции, от стахановцев.

Партизаны пришли на встречу с бойцом в защитных, пахнущих нафталином гимнастерках, разглаживали пушистые усы, свертывали и

раскуривали козынь ножки из клочка газетной бумаги и махорки.

На третий, четвертый и пятый дни заявки о встречах начали уже поступать на квартиру к Беркутам в плановом порядке с подписями и печатью. Сверх плана дошкольники взбирались на цоколь, стучали в окно, жалобно просили:

— Василий Иванович, расскажи-и!

Письмоносец приносил пачки писем. Говорил подмигивая:

— Вы у нас всю почту забираете, товарищ Беркут!

На исходе седьмого дня мать уже не на шутку встревожилась:

— Да что же это получается, Васенька? А я-то думала, ты отдохнешь у нас по-настоящему. Ведь где же и отдохнуть, как не у нас! Жизнь у нас в го...

— Не тихая и кипит как борщ в котле! — весело подхватил Василий.

И опять пошли дни. Дни в этом тихом, в этом маленьком городке проходили скорым, походным форсированным маршем. И уже шел десятый день краткосрочного отпуска красноармейца Василия Беркута.

— Куда сегодня собираешься, Вася? — как бы невзначай спросила мать.

— Да вот приглашают вечером к учителям в педтехникум.

— Васенька, а о чем я тебя хотела попросить!..

«Опять! — ласково подумал красноармеец. — Мамаша, бедная моя мамаша, сколько у тебя забот, опять начнешь вздыхать, что не удался мой отпуск, что отдых не такой, как полагается, эх, мамаша, мамаша!»

И тогда он услышал:

— Домохозяйки соберутся нынче днем в красном уголке на кружок РОКК. Очень добиваются встречи с тобой. Хотя тебя послушать. Я обещаю. Смотри же, Вася, зайди к нам!

Л. МИТНИЦКИЙ.

Рис. И. Семенова

— Смотри: пограничники старика конвоируют.
— И вовсе не конвоируют. Это братья Карповы провожают на вокзал своего папашу.

33 иркутских губернатора

(Сказка)

В НЕКОТОРОМ царстве, в самурайском государстве, жил-был капитан Хватаки. С виду человек никудышный, но фанфарон. Вот вызывают капитана в самый что ни на есть главный штаб и говорят:

— Поезжай, брат, в армию. Должен ты военную славу добывать, новые земли завоевывать. Потому как нашей самурайской расе надлежит над всей планетой властвовать. А если, — говорят, — на этот раз нам удача выйдет, сидеть тебе иркутским генерал-губернатором. Считай эту должность за собой.

Капитан Хватаки отвечает:

— Поедем мы с большим нашим удовольствием. Чужие земли завоевывать — дело знакомое. А за губернаторство — мерси.

Пошел капитан Хватаки домой барахлишко подсобрать, с женой попрощаться. Капитанова супруга — в слезы. Мол-де, изба без хозяина остаётся, кормилец на позицию уезжает.

А капитан Хватаки смеется:

— Напрасно, — говорит, — баба, ревьешь: ты через эту поездку губернаторшей станешь.

Погрузился капитан на пароход, переплыл синее море и явился на позицию. Тут уж полным-полно самураев. Дали Хватаки денщика и роту солдат.

— Ожидай, — говорит начальство, — приказа. А пока мы большевиков через дипломатов поугаем.

Капитан Хватаки ждет, по мамзелькам-гейшам шляется и на командировочные деньги каждый день саки хлещет. Для поддержания воинского духа.

Только однажды собрались офицеры в своей столовой и такой разговор держат.

— До чего неохота мне, господа, без дела сидеть, — говорит один из самураев. — Удивляюсь: чего мы на этих большевиков смотрим?

Капитан Хватаки его поддерживает.

— Тем более, — говорит, — мне уж совсем нет смысла здесь окалачиваться, поскольку я после войны генерал-губернатором буду.

— Каким это генерал-губернатором? — спрашивает тогда майор Умурзаки.

— Иркутским, — отвечает капитан. — Как только мы Сибирь-Го учредим, так мне назначение в Иркутск и выйдет.

— Позвольте, Хватаки-сан! — удивляется майор. — Эта должность мне обещана!

— То есть как это вам? — рассердился капитан. — Мне в штабе японским языком сказано: будешь иркутским губернатором.

А майор Умурзаки стоит на своем.

— Если на то пошло, — говорит, — мне иркутское губернаторство еще в 1920 году обещано!

Тут другой самурай вскакивает, кричит майору и капитану:

— А только губернаторствовать в Иркутске вовсе не вы будете, а я! Этот пост мне поручают!

Шум тут поднялся, крики. Выясняется: каждому из них должность иркутского губернатора обещана. Подсчитали, оно и выходит в наличии 33 иркутских генерал-губернатора.

Берет тут слово японский старик-генерал.

— Понапрасну, — говорит, — господа, волнуетесь. Нам скоро в сражение идти. Кто в бою отличится, тому губернатором и быть.

На том и разошлись.

А на другой день выходит приказ всей дивизией к озеру Хасан двинуться и сопку Заозерную занять. Через малое время и бой завязался. Только роту капитана Хватаки в резерве оставили, про запас.

Капитан Хватаки думает: «Это мне определенно подвезло: часть офицеров постреляют, другие, наверно, ранение получат, так что мне шансов на губернаторство больше». И с этими веселыми мыслями вызывает Хватаки своего денщика и приказывает:

— Докладывай мне про наши потери. Если какого офицера убьют, сообщай мне немедленно. Я ему домой открытку пошлю, подбодрить семью.

— Слушаюсь, ваше благородие! — отвечает денщик. — Будет исполнено.

А на сопке Заозерной тем временем бой разгорается.

Прибегает до капитана Хватаки денщик и докладывает:

— Честь имею доложить, что майор Кватунаки через сквозной прострел Будде душу отдал.

— Какое горе! — отвечает Хватаки, а сам думает: «Одним меньше».

И на радостях говорит денщику:

— Старайся! Я тебя в Иркутске урядником сделаю.

Через несколько минут денщик снова прибегает:

— От капитана Кавасаки одни обмотки остались, поручика Маямама гранатой разнесло, а господин Умурзаки от испуга скончался.

— А, ах, какое несчастье! — отвечает капитан, а сам думает: «Минус четыре».

*Проходит еще полчаса. Кругом пушки режут, снаряды вылушивают самураев из окопов. Прибегает денщик:

— Ваше благородие, на правом фланге ни одного офицера не осталось. Все до единого вкусили блаженство смерти.

— Какой ужас! — отвечает капитан, а сам в уме подсчитывает: «Минус пятнадцать».

Бой все жарче разгорается. Красные танки в атаку пошли. С пути все сметают.

Денщик капитану рапортует:

— На левом фланге только их превосходительство полковник Лузи один живой в блиндаже сидит. Просит прислать машину, поскольку им ноги оторвало под самый корень.

«Минус двадцать семь с половиной», — прикидывает в голове Хватаки, а сам чуть не дрожит от радости: «Дескать, быть мне иркутским генерал-губернатором».

Бой уж к концу подходит, Красные самолеты грозным строем летят, самураев железными гостинцами угощают.

Смотрит капитан Хватаки, что последним офицерам худо приходится. «Теперь, — думает, — определенно их всех покалечат. Видать, хочет Будда, чтоб я губернатором стал».

Тут как раз подают команду резервной роты капитана Хватаки в бой вступать.

Вынул Хватаки шапку и кричит: «Вперед! Победа за нами!» И побежал к сопке. Только недолго пришлось бежать капитану...

А было кандидатов на должность иркутского генерал-губернатора ни много ни мало — тридцать три.

Записали Е. и С. ШАТРОВЫ:

Коля Кузнецов

Иллюстрации Л. Генча

1

Маленький мальчик.
Зовут его Коля.
Живет он в колхозе
И учится в школе.
Он любит военных,
И с ним не шути:
Он сам в кавалерию
Хочет пойти.

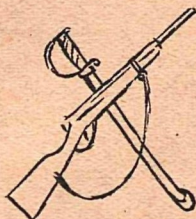
2

А это «Огонь!»—
Жеребенок гнедой.
Горячий, пугливый,
Еще молодой.
Он вырастет скоро
И станет коном.
К Буденному
Коля поскачет на нем.

3

А это — седло.

4

Винтовка.
Шашка.

5

А это бойца молодого фу-
ражка.
Звезда посередке,
Под ней ремешок.
Такую фуражку носить
хорошо!

6

А это — славное знамя
полка,
Под знаменем этим про-
ходят войска.

7

А здесь нарисован один
из бойцов,
Один из бойцов — Нико-
лай Кузнецов.

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

НИЖНИЙ ЧИН

Казарма в России была сплошь и рядом хуже всякой тюрьмы; нигде так не давили и не угнетали личности, как в казарме; нигде не процветали в такой степени истязания, побои, надругательства над человеком.

ЛЕНИН

ПРИСЯГА

«Присяга есть клятва, данная перед лицом божим... служить богу и государю верою и правдою... слепо и весело итти в бой за царя, Русь святую и веру православную».

(Из «Наказа войскам», 1893 год)

«Я, нижепоименованный, обещаю и клянусь всемогущим богом... верно и нелицемерно служить... телом и кровью в поле и крепостях, водою и сухим путем, в баталиях, в партиях, осадах и штурмах и в прочих воинских случаях храброе и сильное чинить сопротивление и во всем стараться споспешествовать, что к его императорского величества верной службе касаться может...»

(Из присяги)

«Поступающие в военную службу магометане приводятся к присяге по особой форме... Лицо, наряженное для присутствия при принятии присяги, обязано наблюдать, чтобы духовные лица магометанской веры во время чтения присяги... не переменили своего места и положения и, чтобы после каждого продолжительного с их стороны перерыва чтения, как то: кашля, обморока и прочее, они возобновляли чтение присяжного листа».

(Из правил о приведении к присяге на верность службы государю и отечеству молодых солдат в частях войск, 1907 год)

ПОСЛОВИЦЫ

Солдат — казенный человек.
Солдатская голова, как под дождем трава.
Солдату три деньги в день, куда хочешь, туда и день.
Хорошо, сказывают, в солдатах, да что-то мало охотников.
Солдат домой пишет, поминать велит.
Солдат-горемыка хуже лапотного лыка.
У солдата шило бреет, а шубы нет, так палка греет.
Солдат шилом бреется, дымом греется.
Солдатская душа не стоит и гроша.
В солдатах быть, что в тюрьме сидеть.
Солдату только и ходу, что из ворот казармы да в воду.
Сыт крупницей, пьян водичей.

СОЛДАТСКИЕ ПЕСНИ

«Для расейского солдата Пули, бомбы ничего. С ними он за панибрата, Все бездельки для него...»

Мы отечеству защита,
А спина всегда избита,
Кто солдата больше бьет,—
И чины тот достает.

Вы гуляйте, рекруточки,
Да последние денечки,
Пожалейте нас, девчата,
Жизнь солдатская проклята...»

45
ОБЛАТ. АНЗЕМЛЯРЫ
20 ФЕВ 1939
Вен. М. Валт. Получены

Период и серия	„Лет еценалы“	„Журн. лет“
Получ. 21/11		
дан в арх.		

Рис. М. Черемных

Гляди в оба!

Союзная Книжная Палата
23 ФЕВ 1939
АРХИВ